

П.Е. Матвеев

Профессор Владимирского государственного университета

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН»

М.А.ШОЛОХОВА

Толерантность и роман «Тихий Дон» казалось бы есть вещи несовместные. В самом деле, роман «Тихий Дон» предстает эпопеей классовой борьбы, охватившей всю Россию в начале XX века, в том числе донское казачество. Как возможна здесь толерантность как терпимость к инакомыслию, если гражданская война по сути своей есть высшая форма нетерпимости?! И в великом романе М.А. Шолохова приведено много сцен подобной нетерпимости, где не только сталкиваются различные идеи, мировоззрения, но и где льется кровь носителей разных мировоззренческих и нравственных конструкций. Одна из таких ярких, художественно совершенно оформленных сцен – это описание расстрела белыми казаками большевика Подтелкова и его товарищей, приведенная в пятой части второй книги романа.

В предсмертной речи, с петлей на шее, Подтелков сказал, обращаясь к поредевшей толпе казаков и казачек: «Вы – горько обманутые! Заступит революционная власть, и вы поймете, на чьей стороне была правда. Лучших сынов Тихого Дона поклали вы вот в эту яму.»[3, с. 715] И последними словами красного командира были: «Ишо не научились вешать. Кабы мне привелось, уж ты бы Спиридонов, не достал земли»[3, с. 716].

Как видим, и перед смертью не проявил Подтелков какой-либо толерантности. Он был готов также расправляться со своими классовыми врагами, как расправились с ним и с его товарищами их противники – белые. И он это продемонстрировал в свое время под станицей Глубокой, о чем напомнил ему перед гибелью главный герой романа Григорий Мелехов.

Однако следует обратить внимание, что вслед за тридцатой главой, где описана казнь Подтелкова, в романе следует глава, которой и заканчивается второй том романа, где приведена сцена наказания пойманных белыми казаками Михаила Кошевого и Валета, отстаивавших взгляды красных. Валета, как

не казака, застрелили, а Кошевого, коренного казака станицы Вешенской, наказали плетьюми. Но самая удивительная сцена описана в конце этой главы и, следовательно, в конце всего второго тома. Здесь рассказано как маленькую придорожную могилку Валета посетил один старик. «Вскоре приехал с ближнего хутора какой-то старик, - повествует роман, - вырыл в головах могилы ямку, поставил на свежооструганном дубовом устое часовню. Под треугольным навесом её в темноте теплился скорбный лик Божьей Матери, внизу на карнизе навеса мохнатила черная вязь славянского письма:

В годину смута и разврата

Не осудите, братья, брата. [3, с. 719]»

«В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата» - это может быть эпиграфом к теме толерантности, где кратко выражена сущность данной духовной установки, которая имеет и философские, и религиозные, и нравственные, и политические и др. аспекты. И такая архитектоника эстетического и нравственного видения гражданской войны в романе «Тихий Дон», конечно, не случайна. Здесь сознательно используется противопоставление двух противоположных мировоззренческих позиций в следующих друг за другом главах. Художественное произведение позволяет объединить в нечто целое события, которые могут быть растянуты в историческом реальном пространстве.

Страшная кровавая война, оказывается, может сосуществовать в историческом реальном времени и пространстве с феноменом терпимости. В этом случае, как в романе Тихий Дон», мы встречаемся с несколькими правдами или с несколькими нравственно-ценностными конструкциями. Выделим четыре важнейшие конструкции, или, говоря языком М. Бахтина, четыре важнейших нравственно-ценностных контекста. Таковыми контекстами/правдами предстают: 1) «правда красных», 2) «правда белых», 3) «народная» или в данном историческом пространстве/времени «сословно-казацкая правда» и 4) правда/контекст автора.

В отмеченном акте расстрела белыми красных описаны массовые сцены, где выделенные контексты/правды еще требуют особого анализа, позволяюще-

го оценить их в более индивидуализированном и формализованном виде. Но в романе «Тихий Дон» есть сцены, где представлены непосредственные контакты/диалоги разных нравственно-мировоззренческих контекстов, где отражена сущность подобных контактов. В современных научных исследованиях, посвященных толерантности, отмечается диалог как одна из возможных и важнейших форм толерантных взаимоотношений [1]. Однако как на практике реализуется диалог между противоположными по содержанию контекстами/правдами? Возможен ли он в принципе?

В романе «Тихий Дон» есть замечательная и глубочайшая по нравственному смыслу сцена, где отражен подобный диалог. Это сцена из четвертой, заключительной главы «Тихого Дона», где описана встреча вернувшегося в родной дом с гражданской войны демобилизованного из рядов Красной Армии Григория Мелехова со своим шурином, бывшем другом и однополчанином по Первой мировой войне большевиком Михаилом Кошевым. Вот выдержки из их «диалога»:

«Они молча закурили. Сбивая ногтём пепел с сигарки, Кошевой сказал:

- Знаю я об твоих геройствах, слышал. Много ты наших бойцов загубил, через это и не могу легко на тебя глядеть... Этого из памяти не выкинешь.

Григорий усмехнулся

- Крепкая у тебя память! Ты брата Петра убил, а я тебе что-то об этом не напоминаю... Ежели всё помнить – волками надо жить.

- Ну что ж, убил, не отказываюсь! Довелось бы мне тогда тебя поймать, я и тебя бы положил, как миленького!

- А я, когда Ивана Алексеевича в Усть-Хопре в плен забрали, спешил, боялся, что и ты там, боялся, что убьют тебя казаки... Выходит, занапрасну я тогда спешил.

- Благодетель какой нашёлся! Поглядел бы я, как ты со мной разговаривал, ежели б зараз кадетская власть была, ежели б вы одолели. Ремни бы со спины небось вырезывал! Это ты зараз такой добрый...

- Может, кто-нибудь и резал бы ремни, а я поганить об тебя рук не стал

бы.

- Значит, разные мы с тобой люди... Сроду я не стеснялся об врагов руки поганить и зараз не сморгну при нужде.[4, с. 717]»

И заканчивается этот «диалог» словами Григория:

«...- Хочу пожить возле своих детишек, заняться хозяйством, вот и всё. Ты поверь, Михаил, говорю это от чистого сердца!

Впрочем, никакие заверения уже не могли убедить Кошевого, Григорий понял это и умолк. Он испытывал мгновенную и горькую досаду на себя. Какого черта он оправдывался, пытался что-то доказать? К чему было вести этот пьяный разговор и выслушивать дурацкие проповеди Михаила? К черту! Григорий встал.

- Кончим этот никчемный разговор! Хватит!»[4, с. 718]

Великий художник показал здесь встречу действительно разных людей, как представителей разных нравственно-ценностных контекстов, каждый из которых следовал своей правде. Примечательно, что здесь снова используется метод противопоставления, контрастности, когда предосудительное зло особо оттеняется на фоне общечеловеческого добра. Так, перед «диалогом» Григория Мелехова с Михаилом Кошевым произошла встреча Мелехова со своим другим однополчанином, верным ординарцем Прохором Зыковым. И встреча эта прошла в духе искренней человеческой радости от общения хорошо знавших друг друга людей, совместно переживших многие жизненные коллизии. «Обнимая Григория он всхлипнул, вытер кулаком глаза, разгладил мокрые от слез усы. У Григория что-то задрожало в горле, но он сдержался, растроганно, грубовато хлопнул верного ординарца по спине, несвязно проговорил:

- Вот и увидались... Ну и рад я тебе, Прохор, страшно рад!...»[4, с. 709]

В сцене «диалога» Мелехова и Кошевого также выделяются четыре отмеченных выше нравственно-ценностных контекста. «Правду красных» отстаивает Михаил Кошевой. Идеально здесь присутствует и «правда белых», которую Кошевой презумпирует Мелехову. Есть здесь «народная» или «сословно-казацкая правда», реальным носителем которой в то время являлся Г. Мелехов,

и есть «авторская правда» самого Шолохова, единственного реального лица в данной сцене, хотя, естественно, в романе в качестве живых, реальных людей предстают вымышленные автором герои.

«Правда красных» - это «правда» новой классовой пролетарской морали. Мы знаем о ней не только из художественной литературы, но и из контекста самой истории и из философского наследия. Одной из работ по большевистской этике, получивших широкую известность, является статья Льва Троцкого «Их мораль и наша».[2] Волею судеб Лев Троцкий, как один из вождей большевизма, оказал не только теоретическое влияние на определённую часть казачества через рядовых агитаторов большевистских идей типа Штокмана, приехавшего еще до революции в хутор Татарский, где разворачиваются основные события романа. Но Л. Троцкий принял непосредственное практическое участие в уничтожение другой части казачества, не принявших «правду» большевизма.

В своей статье Л. Троцкий жестко критикует учение об общечеловеческой нравственности. С его точки зрения «мораль есть лишь одна из идеологических функций» борьбы классов. «Господствующий класс навязывает обществу свои цели и приучает считать безнравственными все те средства, которые противоречат его целям. Такова главная функция официальной морали» - пишет Л. Троцкий. Значит, ничего кроме сознательного обмана, у общечеловеческой морали нет. Собственно, нет и общечеловеческой морали как таковой, мораль имеет классовую основу. Есть, конечно, общеобязательные нормы морали или «элементарные правила морали». Но по Л. Троцкому их действенность ограничена и неустойчива, что особенно ярко проявляется как раз во время гражданской войны, одна из которых описана в романе «Тихий Дон». «Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, - писал Л. Троцкий, - которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами».

Однако аргумент Троцкого против общечеловеческой морали, состоящий в том, что она часто нарушается, особенно в период классовых войн, крайней формой которой является гражданская война, *не состоятелен*. Аналогично,

если школьники стали чаще нарушать правила грамматики, то это еще не значит, что сами правила устарели, что они разрушаются. Грамматические правила *остаются*, но встает проблема *повышения* уровня *грамотности* среди школьников. Так и с моралью: ее основные ценности и принципы остаются *неизменными*, а вот уровень морали, моральности в обществе и среди людей во время классовых битв, особенно во время гражданских войн, действительно понижается. И возникает проблема *повышения* уровня морали в обществе.

Россию спасло то, что и во время гражданской войны, и в годы сталинизма сохранялась и общечеловеческая нравственность, и хранил ее народ, а не власть, которая старалась насадить силой иную, классовую, пролетарскую мораль.

И один из героев романа Михаил Кошевой действует совершенно в духе учения Л.Троцкого, и считает себя при этом абсолютно правым. И, в частности, потому, что, по его мнению, такое же насилие по отношению к нему и его единомышленникам применяют и его противники, белые, в том числе Григорий Мелехов, если власть будет у них. Он не видел ни «третьей», ни «четвертой правды». Конечно, с детства он был знаком со многими нормами сословно-казацкой нравственности, но новая, большевистская, точка зрения «заставляла» его считать такие нормы устаревшими, служащими ненавистному царскому режиму, сословной исключительности. И в этом он был неправ, в этом заключалась его ограниченность. Такой ограниченный нравственно-ценностный контекст не предполагает равноправного диалога, здесь догматически утверждается только одна правда – собственная, и не допускается ни вероятность её ошибки, ни возможность иной истины. Будучи классовой моралью и отвергая общечеловеческую нравственность, пролетарская нравственность парадоксальным образом старалась утвердить себя в качестве общечеловеческой, от имени которой только и можно вершить нравственный суд. Слабость «народной нравственности» представители пролетарской морали могли видеть уже в том, что во время суровой классовой борьбы она якобы с необходимостью уступает место, «перерождается» в самих индивидах, как носителях её ценностей, прин-

ципов в «красную» или в «белую правду/мораль».

«Белая правда» в данной сцене присутствует виртуально, как предполагаемая у Григория Мелехова. По отношению к врагам своим мораль белых не отличалась от морали красных – та же нетерпимость и истребление «других». Типичным носителем подобной морали в романе предстает Евгений Листницкий, проявляющий определённое геройство на войне, соблюдающий честь и достоинство офицера, но не считающийся с честью и достоинством простых казаков, «черни». Такая мораль также была не способна к диалогу, как и пролетарская и уже в этом её ограниченность.

Носителем «народной», «сословно-казацкой нравственности» в анализируемой сцене предстает Григорий Мелехов. «Четвертая правда» - это правда самого автора, М.А. Шолохова, которая во многом представляет общечеловеческую нравственность, что позволяет автору объективно оценить и позицию Кошевого и позицию Мелехова. Анализируемая сцена описана с позиций этой общечеловеческой морали столь правдиво, что мы всей душой на стороне Григория Мелехова. Нам симпатизирует благородство и рыцарство Григория и претит агрессивность и классовая непримиримость Кошевого. Наше нравственное сознание интуитивно чувствует правоту Григория Мелехова, отстаивающего общечеловеческие и во многом здесь абсолютные ценности морали. И это составляет основу нравственного достоинства Григория. Михаил Кошевой, который абсолютизирует классовое до отрицания общечеловеческого и абсолютного, напротив, воспринимается как ограниченный, фаталистически готовый к преступлению против жизни и личности, человек. И это вызывает не только осуждение, но и омерзение.

А почему следует отдавать предпочтение общечеловеческой морали перед классовой? Дело в том, что та или иная мораль опирается на определенный жизненный опыт, жизненный мир, как писал в свих последних работах Э. Гуссерль. И, естественно, что все групповые, сословные, классовые жизненные миры меньше по объему, чем жизненный мир всего человечества. А мораль и создается как определенное средство регуляции человеческого поведения на

основе определенного жизненного мира. И общечеловеческая мораль обращена как ко всему человечеству, так и к каждому из нас.

1. См, например: Единство мира и многообразие культур (материалы «круглого стола» украинских и российских философов // ж. «Вопросы философии», 2011, № 9.
2. См.: ж. «Вопросы философии». 1990, № 5; а также ж. «Этическая мысль». М., 1991. Критический анализ этой статьи с точки зрения современной российской этики дан в работе А.А. Гусейнова «Этика Троцкого» (ж. «Этическая мысль». М., 1992).
3. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман в 4-х книгах. Кн.1-2. М.: Эксмо. 2009. С. 715. – Далее ссылки на отмеченное издание «Тихого Дона».
4. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман в 4-х книгах. Кн.3-4. М.: Эксмо. 2009.